

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Сборник материалов конференции

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2024

УДК: 94(470) (08)

ББК: Т 3(2)712я43 + Т3 (2)711я43

Р89

Р89 Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня: сборник материалов конференции. Отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 301 с.

ISBN 978-5-7629-3437-4

Рецензент: д-р ист. наук, проф. А. Б. Николаев, зав. кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена

ISBN 978-5-7629-3437-4

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024

**Россия конца XIX – начала XX в.
на страницах дневника генерала М.А. Уварова**

В Государственном архиве Российской Федерации хранится дневник генерал-майора Михаила Андреевича Уварова. Дневник представляет собой объемистую тетрадь с оттиском на коричневой потрепанной обложке «М. А. Уваров 1865» (1865-й – год рождения Уварова)¹. Особую ценность этому источнику придает то, что в нем отражена почти вся жизнь забытого русского генерала Уварова и дух давно ушедшей эпохи.

1 сентября 1882 г., когда 16-летний Миша Уваров в этой тетради сделал свою первую запись о зачислении на военную службу, он едва ли мог себе представить, что через несколько сотен страниц другой человек напишет здесь же о его смерти.

Дневник Уваров вел с 1882 по 1920 год – ни много, ни мало целых 38 лет или почти всю взрослую жизнь. На его страницах поденные записи, романтические переживания, удивительные описания мирных и военных лет, схемы боев, яркие характеристики современников и даже нескладные генеральские стихи. Однако наиболее информативны краткие воспоминания генерала о своем жизненном пути, которые он набросал на страницах дневника в 1920 г., когда на некоторое время остался без службы, и у него появилось свободное время. Как оказалось, тот год его жизни стал последним.

Уваров родился 28 сентября 1865 г. в семье коллежского секретаря Тверской губернии. Детство будущего генерала было тяжелым и безрадостным. Ранняя смерть матери, пьянство отца, жизнь с двумя младшими сестрами на попечении нищенствовавшей тетки. Чтобы вырваться из такой среды, Уваров, не кончив гимназии, поступил на военную службу вольноопределяющимся в 8-й гренадерский Московский полк. «Солдаты, как все русские простолюдины, были циничны, грубы, но добродушны и услужливы. Вражды с их стороны к господам тогда не чувствовалось, ко мне относились любезно и звали барином, но знаниями моими не интересовались и ничего у меня не желали узнать», – вспоминал Уваров². В 1885 г. он окон-

¹ В сокращенном виде материал о дневнике Уварова опубликован в: Ганин А. В. Листая старую тетрадь отверженного генерала... // Родина. 2024. № 9. С. 110-113.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 134об.

чил Московское пехотное юнкерское училище и годом позже вышел в офицеры. Служил в 21-м пехотном Муромском полку, дислоцированном в Польше, подальше от дома, так как опасался скандалов из-за пьянства отца. Затем решил продолжить военное образование и в 1898 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба (в академию поступил не сразу из-за травмы правого глаза). Вместе с ним учились будущие белые генералы Ф. Ф. Абрамов, А. П. Архангельский, Л. М. Болховитинов, А. В. Геруа, Л. Г. Корнилов, а также их оппоненты – будущие военспецы М. Д. Бонч-Бруевич (один из создателей Красной армии), А. Е. Гутор, А. С. Мадритов, А. А. Самойло; будущий украинский генерал П. К. Ерошевич.

Уваров участвовал в Первой мировой войне, но не слишком удачно, как он считал, в силу сложных отношений с начальством. Летом 1914 г., после 32 лет службы, он получил в командование полк – 159-й пехотный Гурийский, однако осенью был отрешен от командования и в декабре уволен в отставку. В июне 1915 г. вернулся на фронт и стал командиром 414-го пехотного Торопецкого полка. Был контужен и вновь отчислен от должности формально – по болезни, а в действительности снова из-за начальства. Уваров подал жалобу, по которой было проведено расследование, установившее, что его полк был лучшим в корпусе, а командир отрешен от должности несправедливо. Вслед за этим Уварову дали в командование новый полк – 192-й пехотный Рымникский. Позднее он исполнял должность начальника штаба 35-й пехотной дивизии, в декабре 1916 г. был произведен в генерал-майоры. Далее стал начальником штаба 46-й пехотной дивизии и ею же командовал, а в Гражданскую войну примкнул к белым.

В дневнике много обывательской, бытовой стороны жизни глухих полковых стоянок, известной по произведениям А. И. Куприна. Беспорядочное пьянство, карточная игра, однообразная повседневность и скука, мелкое интриганство, дуэли, бытовой антисемитизм, вымогательство командиров, соперничество из-за наград, безденежье, безысходность и суицидальные мысли. Жизнь была настолько бедной, что у Уварова не было средств даже отметить день рождения³. Единственным развлечением в Плоцке, где стоял его полк, был маленький театр. «У большинства молодых офицеров карты, пьянство и женщины заполняли все досуги»⁴. Не пившего, не кутившего, не знавшего женщин Уварова подвергли почти злобным насмешкам, прозвав

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 26об.

⁴ Там же. Л. 137об.

«Маничкой» и «булочкой». Офицеры из спортивного интереса стали спаивать, развращать его и приучать к курению (в конце жизни он выкуривал по 80 папирос в день). Впрочем, к алкоголю из-за пагубного пристрастия отца он сохранил отвращение на всю жизнь.

Себя Уваров в юные годы считал неудачливым, на что сетовал в дневнике. «Службу мы несли усердно, но она была малоинтересная: доминировали шагистика и муштра в сомкнутом строю. Начальство было из генералов, начавших службу еще при Николае I... И случись в это время война, наш крах был бы еще больший, чем в Маньчжурскую кампанию»⁵. Серьезной боевой подготовки не велось, а «на маневрах проделывались батальные картины боев, как они изображаются в лубочных картинах»⁶. Правда, в 1890-е гг. ситуация, благодаря нововведениям генерала М. И. Драгомирова, стала меняться в лучшую сторону.

Перед нами предстает типичный кадровый офицер своей эпохи – человек не особенно широкого кругозора, злопамятный, мелочный и корыстный (вплоть до записи, где и сколько вещей на протяжении жизни он оставил), рассуждавший в дневнике о происках «жидов» и о том, что можно поверить, что им нужна кровь христианских младенцев для ритуальных целей⁷. Характерная бытовая зарисовка. Бедные евреи в городе Плонске (в 40 верстах от Плоцка) за плату перевозили на себе опрятно одетых людей через чудовищную грязь между тротуарами, молодые офицеры же «со скуки из этого создали себе развлечение, устраивая скачку в перегонки между носильщиками Янкелями, Мовшами, Шмулями и др., сами восседая на их спинах. Если Янкель с[о] своим седоком падал в грязи, ему седок насыпал по шее, что называется, по первое число, если же обгонял своих конкурентов, то никелевая десентка (dziesięć groszy⁸, пять копеек⁹) была ему призом»¹⁰.

Отношение местного польского населения к русским отличалось антагонизмом. Особенно возмущали поляков чиновники-взяточники, тогда как с офицерами они обращались сдержанно, как с людьми подневольными¹¹.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 137.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Исправлено ошибочное польское написание из рукописи Уварова.

⁹ Уваров неточен. Пятикопеечные монеты в то время были медными, тогда как десятикопеечные чеканились из серебряного сплава.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 137об.

¹¹ Там же. Л. 136.

С высоты прожитых лет в 1920 г. Уваров вспоминал об общем уровне образования офицерства в конце XIX в.: «Состав офицеров был неоднородный: около 1/3 из окончивших среднеучебные заведения, а 2/3 с образованием ниже среднего; из последних выделялись господа, мнившие себя самородками и умницами (такие были преимущественно бывшие семинаристы)... Была еще мода изображать, что готовишься в какую-либо военную академию..., но за 10 лет (1885–1895 гг.) ни один до меня не поступил в академию»¹².

Из дневника узнаем и о противоречиях в старой армии. Так, в августе 1893 г. Уварова подпоили офицеры Кексгольмского полка (годом позже полк получил права гвардии), о которых он написал, что они «там страшные фаты и фанфароны, чем мне они очень не понравились; весь свет они, по-видимому, делят на два разряда — на "своих кексгольмцев" и на "чужих", и этих "чужих" они третируют свысока, почти не признавая за ними никаких достоинств»¹³. При поступлении в академию Уваров обратил внимание на гвардейских офицеров, которые «за блестящей своей внешностью совсем оставляли в тени нас, армейцев»¹⁴.

По мнению Уварова, «в то время в Генеральном штабе не было сплоченности, ибо до поступления в академию мы были людьми разных воспитаний и различных социальных положений, такое же деление сохранялось и после академии — у нас были избранники из богачей (хотя бы по жене) и людей с крупными связями и простые смертные, из которых некоторые старались приблизиться к первым, подлаживаясь к ним и заискивая у начальства. Избранники жуировали и вообще наслаждались жизнью, простые смертные работали за них и делали всю черную работу. Первые, преимущественно из гвардейцев, держались надменно, старались импонировать своими знанием, величием и служебными успехами над скромными, строевыми армейцами, ненавидевшими за это их и окрестившими их кличкой — "моменты", вторые совершенно незаслуженно из-за упомянутых "моментов" разделяли с ними тяжесть строевой антипатии. "Моменты" тщеславились даже сомнительными преимуществами и достоинствами, наприм[ер,] помещали на визитных карточках после обозначения должности в Генеральном штабе еще и "officier de l'Académie française"¹⁵ — звание,

¹² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 136об.

¹³ Там же. Л. 25.

¹⁴ Там же. Л. 34.

¹⁵ Офицер французской академии (*фр.*).

полученное на каком-то дипломатическом кутеже»¹⁶. Раздражало автора дневника и засилье немцев в Генеральном штабе.

Немало занимали офицера переживания из-за романтических отношений и отсутствия подходящей партии для брака (он принимал во внимание как внешние данные потенциальных невест, так и размер приданого¹⁷). Он даже завидовал солдатам: «Солдату, наприм[ер], не стыдно подойти к какой-нибудь девушке, какую бы профессию она ни занимала, а я не могу подойти к интеллигентной даже девушке (как же, стыдно офицеру!), если она дочь не "блаародного" человека»¹⁸. Впоследствии же Уваров вспоминал, что «полковые дамы... всем пригляделись и даже надоели. Многие из них были грубы, глупы, малообразованны и невоспитанны, мужьям изменяли не только с офицерами, но и с денщиками. Дочери полковых офицеров, редко красивые и интересные, из[о] всех сил старались поймать женихов, но при 39 руб. жалованья проблематичность будущего "счастья" столь была очевидна, что почти никто не рисковал на подобный шаг до получения роты и 70 руб. жалов[анья], да и незачем было: почти семейное счастье получалось без всякого труда, ибо пылкие и чувствительные польки и еврейки из модисток, приказчиц, швеек и проч. после легкого флирта начинали посещать наши холостые квартиры и гостить по неделям... Была и обратная сторона медали – сильная заболеваемость венерическими болезнями: в полку не менее 60 % было сифилитиков»¹⁹.

Семейная жизнь автора дневника не сложилась. Он был женат на Людмиле Петровне Богалдиной, с которой познакомился в 1894 г., быстро женился и прожил 15 лет в браке. Уваров вспоминал: «Женился я на бедной, некрасивой девушке, был ей верен, весь заработок свой отдавал ей; она страшно экономила во всем и нездоровой пищей довела меня до острого припадка катара желудка в 1908 г., от чего страдаю я и теперь. В 1909 г. жена под предлогом моей неверности уехала от меня, увезя с собой все мои сбережения, а затем судом стала искать от меня содержания себе. Так порвалась моя семейная жизнь без какой-либо моей вины»²⁰. Попытка жениться во второй раз не удалась, так как развод за четыре года Уваров так и не получил, а его новая избранница ждать не стала и вышла за другого. Незадолго до смерти генерал даже подумывал, что выпавшие

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 148об.-149.

¹⁷ Там же. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 28об.

¹⁹ Там же. Л. 137.

²⁰ Там же. Л. 131.

на его долю страдания являются «кармой» за грехи прошлой жизни. Итог он подводил философский: «Наша жизнь – это сцепление неудач, нужды, лишений, неудовлетворенных желаний и в итоге сознание неудавшейся жизни и разочарования»²¹. Не имея близких, Уваров нежно заботился о своих домашних питомцах – собаках.

Служба Уварова после окончания учебы проходила в Киевском военном округе. Полевые поездки, подвижные сборы, военные игры, маневры, – все это заполняло службу молодого выпускника академии. Была и другая сторона – внеслужебные отношения офицеров, слухи и сплетни. Например, начальник 19-й пехотной дивизии генерал-лейтенант П. П. Федоров «брал подарки и взятки (даже короною и дровами) и за них только и выдвигал подчиненных по службе»²². Подполковник (впоследствии – генерал) М. Д. Бонч-Бруевич «в молодости неосторожно пошалил с дочерью почтово-телеграфного рассыльного и должен был жениться на ней, но она ни по воспитанию, ни по образованию не подходила к нашему кругу, что и сама понимала»²³. Женщина образовывала себя чтением романов. Прочитав, что у виконтов и маркизов за креслами стояли лакеи в ливреях, она заставила в этой роли выступать денщика Бонч-Бруевича, а затем вознамерилась обзавестись высокопоставленным любовником, сделав его из генерала В. А. Сухомлинова. Однако эта затея не удалась.

Революционное движение Уваров не поддерживал. В период Первой русской революции, 23 июля 1906 г., в дневнике читаем: «Необходимо принимать самые суровые меры для борьбы с воен[ными] мятежами, иначе существованию России угрожает опасность»²⁴. Однако не приветствовал он и черносотенное движение. Когда в канун Первой мировой войны «опять начала торжествовать реакция, поощрялись самые возмутительные действия черносотенцев, и мы, умеренные, возмущались между собою, говоря, что в случае революции богачи и аристократы, заваривающие кашу, потом удерут "на теплые воды" за границу, а нам придется расхлебывать эту кашу и вообще отдуваться своими боками, что и случилось в действительности в 1917 г.», – писал он²⁵.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 133.

²² Там же. Л. 155об.

²³ Там же. Л. 153.

²⁴ Там же. Л. 83об.

²⁵ Там же. Л. 155.

Буквально с самого начала Первой мировой войны полк Уварова, вступивший летом 1914 г. в Восточную Пруссию, оказался втянут в ожесточенные бои. Восточная Пруссия поразила нашего героя инфраструктурой, порядком и чистотой. «Жителей почти не было – все бежали при приближении русских, опасаясь ужасов нашествия варваров»²⁶. Русские солдаты не трогали дома, где оставались жители, «но беспощадно громили пустые дома, бессмысленно разбивая зеркала, стекла в окнах, пьянино и рояли, мебель и проч[ее]... число мародеров страшно возрастало с каждым днем наступления»²⁷. Не видевшие мяса солдаты буквально им объедались. Уваров констатировал: «Слишком была велика разница между культурной Пруссией и бедной Россией. Даже наши солдаты замечали это и говорили: "Вот дурак Вильгельм, что полез воевать с нами, у него у самого такое богатство, а у нас – рвань, навоз, да вши с блохами – наше добро"»²⁸.

Обе стороны творили жестокости. Уваров долго терзался муками совести за приказ расстрелять немецкого юношу, сигнализировавшего своим войскам. «Потом, когда в м. Симно я увидел 2-х повешенных донских казаков у костела, у которых немцами на голых ногах была вырезана кожа в виде кровавых лампасов, ...пришел в таковое негодование, что после того угрызения совести как рукой сняло»²⁹.

По мере развития боевых действий настроения менялись. Уваров вспоминал: «Я тогда горел энтузиазмом, что воюю за Россию и славянство с исконным врагом – немцем, но вид трупов расстрелянных или повешенных мирных жителей, картины разорения сел, рев мучающихся животных сразу переменили мое настроение, и у меня поднималось отвращение и ненависть к войне»³⁰.

Судя по тексту, Уваров был нервным человеком, который постоянно жаловался в дневнике на происки недоброжелателей. Очень сильна была у него обида за незаслуженное отрешение от должности и отставку в 1914 г., что поставило его намного ниже даже младших по службе офицеров и лишило георгиевских наград.

Возвращение на службу летом 1915 г. оказалось непростым. Уваров получил в командование сформированный из дружин государственного

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 157.

²⁷ Там же. Л. 157об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 162.

³⁰ Там же. Л. 157об.

ополчения третьеочередной (т. е. формировавшийся уже в войну) 414-й пехотный полк. Состав полка оставлял желать лучшего: «Офицеры были люди, отвыкшие от военного дела и мечтавшие в дружинах государствен[ного] ополчения укрыться от войны; слишком много коммерсантов и жуиров. После первых дней... командования я получил от солдат анонимку, что офицеры пьянствуют, с девками гуляют, на службу не ходят и солдат не учат. Солдаты – все тяжеловесные, бородатые ратники, забывшие службу»³¹. Офицеры так не хотели на фронт, что даже подали коллективный рапорт с просьбой вернуть их в ополчение.

Уваров описывает чудовищный хаос при обороне крепости Ковно, в которой ему довелось принимать участие. Безответственность, трусость и безынициативность начальников, отсутствие связи. Неудивительно, что сбежавший комендант крепости генерал В. Н. Григорьев был предан суду и приговорен к каторжным работам.

После вторичного отстранения от должности командира полка Уваров уехал в Петроград. Столица в декабре 1915 – январе 1916 г. произвела на него «впечатление сумасшедшего места: никто не хотел идти на войну и не думал о ней; все разряжены, дамы залиты брильянтами; жизнь там – сплошной кутеж»³².

Будничными на войне были гибель людей, героизм и безалаберность. Так, в ночь на 9 августа 1916 г. немцы пустили на позиции Рымникского полка, которым командовал Уваров, четыре волны хлора. Две роты полка, находившиеся на работах, имели при себе вместо противогазов лишь матерчатые «рыльца», которые оказались бесполезны. Погибли офицер и 209 нижних чинов. Рядовой 9-й роты Идеатула Тагиров, «увидя, что его ротн[ый] к[оманди]р подпор[учик] Неминуший задыхается от газа, снял с себя резиновый противогаз, найденный им на убитом немце, и спас тем Неминущего, а сам умер»³³. Люди погибли из-за того, что полку не выдали противогазы, хотя командир полка задолго до газовой атаки четырежды подавал рапорт об этом. Необходимое имущество было выдано только после массовой гибели людей.

Дневник добавляет штрихи к портретам известных исторических личностей и содержит характеристики сотен безвестных современников Уварова. Так, военный министр конца Российской империи генерал Д. С. Шуваев, по

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 166.

³² Там же. Л. 173.

³³ Там же. Л. 175об.

оценке Уварова, «ума был ограниченного и говорить совершенно не умел»³⁴. Об уровне мышления Шуваева в бытность того в 1899–1905 гг. начальником Киевского военного училища свидетельствует следующий эпизод: «На каком-то молебне Шуваев, проходя, шепнул мне, чтобы после молебна я явился к нему по служебному делу. Я явился и стал перед ним по всем правилам строевого устава, но Шуваев строго сказал мне:

– Как Вы стоите перед[о] мною?

Я ответил:

– Стою, как полагается по уставу.

– Почему?

– Потому что Вы мой начальник.

– Ну вот, перед[о] мною Вы стоите “смирно”, потому что я – Ваш земной начальник, а на молебне стояли, отставив ногу и держа руку за бортом, хотя стояли пред самым Господом Богом. А что я такое? Червь земной, может быть, дурак, а Вы мне отдавали честь больше, чем Богу.

– Ваше Пр[евосходитель]ство, стоять смирно перед Вами меня обязывает строевой и дисциплинарный уставы, ну а Господу отдание воинской чести и дисциплинарный устав не нужны.

Шуваев мигом покраснел и закричал:

– Не богохульствуйте, подполковник Уваров, и предлагаю на молебнах стоять смирно»³⁵.

Интересна характеристика командующего 35-й пехотной дивизией генерала В. З. Май-Маевского – в будущем видного деятеля Белого движения на Юге России – командующего Добровольческой армией. Именно к нему в дивизию начальником штаба попал Уваров в конце 1916 г. «Толстый, с громадным брюхом человек с маленькими свинными глазками, большим носом и отвислым подбородком – напоминал кормленого борова; он постоянно сопел и говорил хриплым голосом, ежедневно был пьян. Мне он очень не понравился. В штабе 35[-й] пех[отной] див[изии] служили исключительно офицеры, угодливые перед Май-Маевским и нравственно нечистоплотные»³⁶. В этом описании важно, что Май-Маевский, по-видимому, страдал алкоголизмом еще до Гражданской войны (хотя это свидетельство ретроспективно и оставлено уже в Гражданскую войну). Таким образом,

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 150об.

³⁵ Там же. Л. 151.

³⁶ Там же. Л. 179об.

при последующих его высоких назначениях у белых о его недуге могло быть известно, что бросает тень на кадровую политику главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала А. И. Деникина.

Что касается офицеров штаба 35-й пехотной дивизии, то они у Уварова, как он подозревал, украли серебряные часы-браслет, а один из работников штаба проиграл в карты 11000 руб. казенных денег. Свое производство в генералы Уваров назвал давно заслуженным, отметив, что получил его «не как все, а с какими-то приключениями»³⁷. Не сработавшись с Май-Маевским, Уваров поспешил покинуть штаб дивизии. Неприязнь к Май-Маевскому, однако, у него сохранилась. Он писал, что в революционный период Май-Маевский «получил Гвардейский корпус, и там начал буквально подлизываться к "товарищам"-солдатам, а с офицерами обращался по-хамски, за что все офицеры, как мне сказал капитан стрелк[ового] императ[орской] фамил[ии] полка Ахвердов, презирали его, как поганое животное»³⁸.

О Февральской революции генерал высказывался с отвращением, считая, что ее начали в Петрограде «запасные батальоны гвардии, состоявшие из шкурников и не желавшие идти к нам на позицию, и матросы флота, рабочие петроградских заводов и чернь, руководимая интеллигенцией»³⁹. «Мы, офицеры, были против революции, находя несвоевременным[и] внутренние неурядицы, когда еще не кончена война»⁴⁰, — утверждал он.

Начался развал армии. Боевые действия почти прекратились. После выступления генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства комиссары и комитеты стали следить за офицерами, подслушивая даже их служебные телефонные разговоры. Солдаты не хотели ничего делать, даже строить блиндажи для собственной безопасности от обстрелов противника. Чтобы пристыдить их, офицеры сами брались за топоры и строили блиндажи, но на солдат это не подействовало, и они пользовались по необходимости офицерскими блиндажами. Уваров сетовал: «Чести никому не отдавали, отвечали грубо, нахально. Мне пришлось съездить на несколько дней в Луцк, где по улицам шлялись гвардейские солдаты в растянутых мундирах, шинели в накидку, все грязное, фуражка кокардой над ухом и вся на затылке, из-под фуражки торчат клочьями длинные нече-

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 180.

³⁸ Там же. Л. 181.

³⁹ Там же. Л. 180об.

⁴⁰ Там же.

саные волосы, в зубах "цыгарка" (свернутая из бумаги папироса), на руке калачиком висит растерзанная баба, пьяная, грызущая вместе с солдатом своим семечки; дороги никому не дают, а толкают всех; залетают в лучшие рестораны, где иногда не платят денег; подходят к старшим офицерам, чтобы "прикурить"; сыплют умопомрачительные нецензурные ругательства»⁴¹. «Уже не стало русского солдата, а был сброд лентяев, грабителей и буйнов»⁴², — заключал автор дневника. В присутствии союзников Уварову было стыдно находиться в мундире генерала «столь унизившей себя армии»⁴³. Он был убежден, что заключение сепаратного мира приведет Россию к самым печальным последствиям. Например, к войне ослабленной России с японцами и китайцами. В какой-то мере его предположение оправдалось в виде японской интервенции на Дальнем Востоке.

Когда в декабре 1917 г. отменили чины и ордена, а также появился выборный командующий 11-й армией рядовой Елдаков, Уваров решил, что служить дальше не станет, и под предлогом болезни оставил должность. Он попытался пробраться в Новочеркасск, но это не удалось. Пришлось ехать в Полтаву, где в марте 1918 г. Уваров попал под немецкую оккупацию и новую украинскую власть. «Началось гонение на все русское; выписаны были галичане для обучения настоящему украинскому языку, коего, однако, не понимали ни крестьяне, ни малорусская интеллигенция. Комендант Киева проходимец Цицович издал приказ, чтобы русские офицеры, не признавшие себя украинцами, были арестованы и отправлены в Дарницу, в концентрационный лагерь вместе с пленными австрийцами»⁴⁴. Уварову пришлось обратиться к начальнику милицейского участка в Полтаве, оказавшемуся его армейским знакомым. Тот в апреле 1918 г. выдал удостоверение на украинском языке, что Уваров не имел отношения к большевикам, но был их врагом. Кроме того, в мае Уварову удалось получить из Одессы свои банковские сбережения 1915 г. Он продал часть вещей и отправился на Дон. Четыре месяца в Полтаве оставили тяжелое впечатление: «Все люди как-то насторожились, прежние друзья сделались врагами, везде проявлялась нетерпимость к чужим мнениям и жадность к приобретению»⁴⁵.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 181.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 181об.

⁴⁴ Там же. Л. 183об.

⁴⁵ Там же.

Интересны оценки Уваровым настроений сослуживцев. Так, генерал М. Д. Бонч-Бруевич, по свидетельству Уварова и ряда других современников, был консерватором, черносотенцем и ультра-монархистом⁴⁶, однако пошел в Красную армию. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал В. А. Черемисов также в прошлом был ультра-монархистом, затем «подлизывался к Керенскому, а теперь служит красным»⁴⁷. В последнем случае Уваров ошибся – генерал Черемисов красным не служил.

В июне 1918 г. Уваров записался в Новочеркасске в Добровольческую армию. Там же он встретился с генералом М. В. Алексеевым, после чего отправился в армию. Командовавший армией генерал А. И. Деникин принял Уварова сухо, заявив, что вакансий начальника дивизии в армии нет. Однако затем генерал был назначен помощником военного губернатора территории, занятой Добровольческой армией, полковника (позднее – генерала) П. В. Глазенапа. В июле к Глазенапу и Уварову приехал полковник А. Г. Шкура (известный как Шкуро), рассказавший о трудностях занятия Ставрополя. Затем ездили к Деникину, который сказал Уварову о Шкуро: «Врать он мастер, и, боюсь, что и грабить мастер»⁴⁸. Было принято решение, что Уваров отправится в Ставрополь как временный военный губернатор, чтобы не допустить разграбления города казаками Шкуро. Пришлось познакомиться и с начальником штаба Шкуро полковником Я. А. Слащевым (впоследствии знаменитым генералом), которого Уваров охарактеризовал, как «довольно симпатичн[ого], но уже потрепанного жизнью (лысина, седые виски и отсутствие передних зубов)»⁴⁹. Уваров взял у Слащева грузовик с пулеметом, собрал желающих (всего вместе с генералом поехали 5 офицеров и 7 казаков) и поехал в Ставрополь. По имевшимся у него сведениям красные город уже покинули, а белые еще не заняли. В случае осложнений Уваров надеялся на поддержку ставропольского офицерства до подхода отряда Слащева. 7–8 (20–21) июля 1918 г. Ставрополь перешел в руки белых. О том, что генерал Уваров представлял первую белую власть в городе, известно и от независимых очевидцев⁵⁰. Лишь на следующий день в город вошел отряд Слащева. Уваров утверждал, что это произошло не 8, как на самом деле, а 9 июля по

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 151.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 184об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Елисеев Ф. И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 227.

старому стилю. Слащев же, видимо, не считал действия Уварова сколько-нибудь значимыми и даже не упомянул о его рейде в своих воспоминаниях о событиях 1918 г.⁵¹

Представители Коммерческого клуба Ставрополя, желая выразить признательность Уварову, осенью 1918 г. учредили в 1-й мужской гимназии города стипендию его имени. Аналогичная именная стипендия была учреждена Семейным собранием и во 2-й мужской гимназии⁵². Сам Уваров занятие Ставрополя без боя расценивал как невероятный подвиг, переживая по поводу того, что его почти никто не оценил. События складывались таким образом, что город должен был быть занят белыми в любом случае, а генерал лишь воспользовался ситуацией и въехал туда первым после ухода красных, не имея за собой никакой вооруженной силы. Неудивительно, что отношения Слащева и Уварова не сложились. Со слов первого Уваров вскоре стал предлагать едва ли не оставить Ставрополь⁵³. Осенью 1918 г. Уваров занимался вопросами эвакуации города. Если верить свидетельствам Уварова, против него был настроен начальник штаба Добровольческой армии генерал И. П. Романовский. В итоге в октябре автора дневника уволили из армии.

Далее Уваров отправился в монархическую Южную армию, но не был туда принят из-за отсутствия рекомендаций из Добровольческой армии. Чтобы свести концы с концами, Уварову пришлось продать ордена, но его ограбили, и он все равно оказался на мели. Тогда возникла идея отправиться в Сибирь в армию адмирала А. В. Колчака. Для этого требовалось выехать в Одессу, оттуда на Дальний Восток через Константинополь – Суэцкий канал – Цейлон – Сингапур – Нагасаки и Владивосток. Однако об Уварове вспомнили на Юге, назначив в марте 1919 г. заведовать тылом I Кубанского корпуса. Ему даже достался персональный пульмановский вагон, правда, кишевший клопами.

Корпусом командовал одиозный генерал В. Л. Покровский, известный своими жестокостями. На станции Долженково Уварову пришлось видеть троих повешенных рабочих, уличенных в сопротивлении, а конвой Покров-

⁵¹ Слащев Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Ч. II / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2016. № 1 (15). С. 223-224. Также см.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. С. 48–49.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 192.

⁵³ Слащев Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Ч. II. С. 230.

ского «зверски избивал на моих глазах плетьюми трех же рабочих»⁵⁴. Без суда и следствия Покровский приказывал расстреливать неугодных ему офицеров (Уваров упоминает такой случай с капитаном-артиллеристом Бурковским⁵⁵). Добиться встречи с командиром корпуса было непросто, так как в штабе шло повальное пьянство. Уваров описал один из таких пьяных вечеров: «Покровский настолько развернулся, что показал себя во всей своей непосредственности. Он стрелял из револьвера в потолок дорогого вагона-ресторана, затем вызывал простых казаков по фамилии и назначал каждого на должности, то московского генерал-губернатора, то к[омандую]щего войсками Москов[ского] округа, то коменданта Москвы и т. п. Казаки орали песни и качали своего "кубанского батьку", т. е. Покровского. Он в заключение сказал нескладную речь, в которой высказался против царя и царского режима»⁵⁶. В конце весны 1919 г. генерал пришел к немудреному выводу: «Вообще вижу, что в Гражданской войне обе стороны грабят, пьют, бесчинствуют и развратничают; тыловые деятели воруют»⁵⁷. Примеры подобного поведения были один ярче другого. Так, начальник штаба I Кубанского корпуса генерал К. К. Петерс весело проводил время с шансонеткой Тамарой Грузинской, но после встречи не заплатил ей 2000 руб. гонорара, а во избежание скандала оставил в залог папаху, подаренную ему кубанскими казаками. Вернувшись в гостиницу, он заявил управляющему, что у него пропала папаха и, если ее не найдут, он с казаками лично обыщет все номера. Управляющий, дорожа репутацией отеля, купил Петерсу папаху за 500 руб.⁵⁸ Уваров ходатайствовал об исключении Петерса за подобные проступки из Генерального штаба.

Безобразным было состояние белого тыла. Санитарная служба была организована из рук вон плохо. Раненых бросали без помощи. 29 октября (11 ноября) 1919 г. в дневнике записано: «Тыловые офицеры развратничают и пьют с женщинами и ведут себя, как в завоеванном краю»⁵⁹. Уваров констатировал колебания общественных настроений между неумным оптимизмом и паникой. Прогноз его был неутешителен. Большевики не согласятся на второстепенные роли в стране, даже если проиграют. Если же победят белые, начнется борьба партий и честолюбцев. Описывая

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 193.

⁵⁵ Там же. Л. 194–194об.

⁵⁶ Там же. Л. 193.

⁵⁷ Там же. Л. 123об. –124.

⁵⁸ Там же. Л. 125об.

⁵⁹ Там же. Л. 128.

конфликт генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, Уваров заключил: «Сейчас идет борьба за власть, а не за освобождение России»⁶⁰.

Летом 1919 г. Уваров был прикомандирован к штабу корпуса, а позднее, до начала 1920 г., исполнял должность помощника начальника тыла Кавказской армии белых. Кадровая политика белого командования его возмущала. Например, про карьерный рост генерала А. Г. Шкуро Уваров писал, что тот «годится лишь для партизанско-мародерской войны... Если будут неудачи и Шкуро сменят, то он не подчинится этому, а перейдет или к монархистам, или к большевикам, если у них будет успех»⁶¹.

На страницах дневника зафиксировано и немало слухов. Так, Уваров упомянул, что неприятный ему генерал В. З. Май-Маевский «имел любовницу – еврейку, которая и продавала Добр[овольческую] армию красным, а пьяница Маевский способствовал»⁶² или, что его «назначили командармом потому, что он близкий родственник молодой жены Деникина»⁶³.

Критиковал Уваров и стратегию белых, когда значительные силы были брошены на завоевание Украины вместо того, чтобы соединиться с армиями адмирала А. В. Колчака на Востоке⁶⁴. Впрочем, это были рассуждения типичного обывателя, хотя и носившего генеральские погоны. После того, как развернулось советское наступление на Украину, Деникин не мог оставить это направление без внимания и уступить его красным.

С презрением Уваров отзывался о пленных красноармейцах. В июне 1919 г. он записал: «На отрезвление великороссов еще нельзя рассчитывать, о чем можно судить по пленным красноармейцам: они жалкие, рабские, вшивые, грязные и все-таки цинично-похабные и распущенно-неверующие; просят у всех хлеба, но не именем Христа»⁶⁵. Но летом 1920 г. оценки побеждавшей Красной армии стали у Уварова иными, причем отличались достаточной точностью: «У красных армия крепнет, ибо все импровизированные командиры заменены настоящими кадровыми офицерами, введены прежняя дисциплина и порядки, кроме отдания чести, отставные и семьи обеспечиваются пенсиями, в движении по службе протекция и родственные связи не имеют значения. Т[о] е[сть] все противоположно тому, что делается у Врангеля, организация коего, гордо имену-

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 128об.–129.

⁶¹ Там же. Л. 124об.

⁶² Там же. Л. 129.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 130.

⁶⁵ Там же. Л. 124об.

емая Русской армией, по моему мнению, скоро совершенно развалится»⁶⁶. Так и случилось.

И хотя Уваров был принципиальным противником большевиков, Белое движение он стал считать авантюрой⁶⁷. 5 (18) июля 1920 г. в дневнике записано: «Вообще народ не пошел за нами, и думают, что врангелевцы сдадут к зиме Крым»⁶⁸. Этот прогноз вскоре сбылся. О моральном духе белых и провале мобилизации в Крыму генерал писал: «Погибло то, что с таким трудом насаждал покойный [генерал М. В.] Алексеев – чувство взаимной выручки в Добр[овольческой] армии»⁶⁹. Это резко проявилось при эвакуации Новороссийска, когда корниловцы и др[угие], забравшись на пароходы, не пускали спасаться к себе другим русским, угрожая пулеметами. Дух в Добр[овольческой] армии плохой – молодые бойцы и их малограмотн[ое] юное начальство (генералы и полковники из прапорщиков и унтер-офицеров) привыкли лишь мародерствовать и затевать оргии, где неумело, глупо, зоологически пытаются наслаждаться. На днях такая компания ужинала здесь, в ресторане ["]Астория["], и заплатила 16 миллионов рублей за несколько часов. Мобилизация в Крыму не прошла – нет сочувствия населения, а военная молодежь стала шкурниками – в газетах сообщалось, что из 160 чел[овек] призванных прибыло в Ялту лишь 70 чел[овек], а 90 чел[овек] растаяли в дороге. Для спасения России нужна новая, более жизненная организация. Кто же ее создаст?»⁷⁰

Когда весной 1920 г. Уварова собрались увольнять со службы за то, что ему 54 года, генерал записал: «Надо бы мне примириться с этим и махнуть рукою на дело всей моей жизни – на военную службу, которой я отдал все силы своей души и ума, а не могу. Да и чем я теперь буду добывать себе средства к существованию – ремесла никакого не знаю и на старости лет поздно учиться, сельского хозяйства не знаю и гожусь разве в пастухи, писаря, может быть в конторщики и на административную службу, но теперь в России разруха и не найдешь свободного места на службе... Жалел отчаянно мою дорогую собачку Бурюсю, пропавшую и, вероятно, погибшую где-либо под забором, а ведь самому, пожалуй, придется помереть где-либо под забором с голоду»⁷¹.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 140об.

⁶⁷ Там же. Л. 130.

⁶⁸ Там же. Л. 153об.

⁶⁹ Подразумеваются Вооруженные силы на Юге России и Русская армия.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 132.

⁷¹ Там же. Л. 131.

Свое увольнение со службы генерал воспринимал болезненно: «Кроме меня уволено до 500 генерал[ов] и полковников — настоящих кадровых офицеров, верных долгу и присяге, и вместо них берут взятых в плен красных офицеров и своих самодельных. Система, более чем оригинальная!»⁷² Между тем деньги были нужны — при чудовищной крымской дороговизне генерал не мог обеспечить себя даже самым необходимым. О жизни в Белом Крыму весной 1920 г. он писал: «Пропадаю с голода. Цены ужасные... кусок мыла, стоивший до войны 30 коп., в 1919 г. в Новочеркасске — 10 руб., теперь стоит 1000 рублей в Феодосии. Куда деваться — не ведаю»⁷³.

В Крыму генералу Уварову поначалу было попросту негде жить: «Приехал в Севастополь 23 июня⁷⁴, но не мог найти крова нигде и поэтому ночевал на мостовой вместе с[о] своими спутниками — полковн[иком] 9[-й] арт[иллерийской] бриг[ады] Мих[аилом] Ник[олаевичем] Денисенковым, офиц[ером] Степ[аном] Кузьм[ичом] Паськовым и инженером-технолог[ом] Дмитрием Осиповичем Недзвецким. На другой день все-таки нашли себе пристанище на углу Нахимовской и Больш[ой] Морской в общежитии Обществен[ного] собрания. Подал рапорт об определении меня на службу, но сегодня мне ответили отказом — такова награда мне за жертвы для России и заслугу занятия с 11 человек[ами] гор[ода] Ставрополя»⁷⁵.

Видимо, пользуясь советско-польской войной, оставшийся не у дел генерал планировал уехать через Галицию и Украину в Полтаву за вещами. Правда, Полтава тогда оставалась красной, и не очень понятно, как он представлял себе такую поездку, не говоря о том, что никто бы не выпустил Уварова с вещами с советской территории. Мотив автора дневника был простым: «Оч[ень] горько на 55 году своей жизни, после 38 лет службы и 5 лет участия в войнах не знать, где преклонить голову и на что жить!»⁷⁶

Позднее генерал все-таки смог устроиться у белых на службу председателем военно-судной комиссии крепости Керчь. О своей службе осенью 1920 г. и повседневности врангелевской армии генерал писал: «Весь сентябрь судил офицеров, воровавших у жителей имущество, или грабивших их. По закону за это положена смертная казнь, но [Д. М.] Зигель как ко-

⁷² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 140об.

⁷³ Там же. Л. 130об.

⁷⁴ 6 июля по новому стилю.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 153об.

⁷⁶ Там же. Л. 153об.

мендант Керчи наказание им даже прощает совсем»⁷⁷. Уваров сетовал, что когда летом 1918 г. с 11 бойцами на грузовике занял город Ставрополь, его в Добровольческой армии считали героем, но затем стали последовательно отстранять от серьезного дела.

Себя Уваров, будучи безнадежным пессимистом, считал несчастливым, но постоянно жалел себя, прямо упиваясь этой особенностью и расценивая собственную жизнь как «печальную повесть моих постоянных неудач житейских и очень редких часов радости»⁷⁸. Последняя запись в дневнике датирована 29 сентября 1920 г. по старому стилю или 12 октября нового стиля. Генерал описывал военно-политические события, жаловался на скуку и проблемы с желудком. Из-за последних приходилось придерживаться молочной диеты, которая, как он отмечал, «стоит так дорого, что я едва свожу концы с концами»⁷⁹.

До нашего знакомства с дневником Уварова о судьбе генерала данных не имелось. Казалось, следы его затерялись. Однако о том, что с ним случилось, поведали последние страницы тетради. На них подчиненный Уварова делопроизводитель военно-судной комиссии крепости Керчь И. П. Расторгуев уже по прибытии в Сербию в январе 1921 г. записал, что 2 (15) декабря 1920 г. около 15 часов генерал Уваров скончался на борту французского парохода «Австрия»⁸⁰. Здесь же заботливо вклеены два фото генерала.

Из записи Расторгуева мы узнаем, что при эвакуации Крыма 55-летний Уваров вместе с чинами военно-судной комиссии крепости Керчь погрузился на пароход «Мечта». Эвакуировавшийся с генералом Расторгуев писал: «Тяжелы были условия путешествия на пароходе и давнишняя болезнь генерала (желудочные боли) при отсутствии не только диетической, но и вообще какой бы то ни было пищи, недостаток воды и полная невозможность какого-либо отдыха заставили идти болезнь усиленным темпом и в то время, когда пароход «Мечта» стоял на константинопольском рейде, генерал уже чувствовал приближение смерти. Об этом он говорил... Когда беженцам предоставлено было право выбрать страну, куда кто желает эвакуироваться, генерал Уваров избрал Сербию, как он мне говорил потом, единственную православную из югославянских стран. Еще более усилилась болезнь и самочувствие генерала, когда мы пересели на паро-

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 195.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 194об.

⁷⁹ Там же. Л. 195.

⁸⁰ Там же. Л. 196.

ход "Austria" для дальнейшего следования в Сербию»⁸¹. Генерал ехал в трюме, где для него едва нашлось лежачее место. Расторгуев так описывал обстановку: «Полутемный трюм, грязный пол, прикрытый циновками, люди, лежащие так, что приходится осторожно ставить ногу, чтобы не наступить на живого человека, постоянная пыль, споры, крики, ругань и в то же время отсутствие медикаментов и определенное нежелание русских врачей облегчить положение больных»⁸². Почувствовав ухудшение своего состояния, генерал написал завещание. За сутки до смерти Уварова перенесли на спардек (верхнюю палубу), где было устроено подобие лазарета. На следующее утро генерал позвал своих сотрудников проститься. Пришел проститься и его товарищ по академии генерал-майор В. И. Сенча. Ему Уваров сказал: «Не сыграем больше с Вами в шахматы»⁸³.

Имущество русского генерала было невелико: два чемодана, самовар, фотоаппарат, бурка и куртка. Все это Уваров завещал Расторгуеву и А. С Севалинскому – «единственно не оставившим меня во время болезни при тяжелом путешествии из Крыма за границу»⁸⁴.

Генерал скончался, когда пароход заходил в Валлонский залив Адриатического моря (залив Влера) у берегов Албании. Намечалось отпевание и погребение генерала, но французы из команды парохода, никого не предупредив, видимо, по санитарным соображениям предали тело генерала водам залива. Расторгуев изобразил на схеме место, где это было сделано. Русский генерал предвидел свою смерть и почти угадал ее обстоятельства. От него не осталось практически ничего, кроме скромной тетради с записями.

Последней просьбой Уварова к Расторгуеву было сохранить дневник. Воля генерала оказалась выполнена наилучшим образом – книга его жизни была передана в Русский заграничный исторический архив в Праге, впоследствии попавший в нашу страну. Благодаря этому мы более века спустя узнали о судьбе генерала Уварова, ставшего одной из жертв Гражданской войны, а также получили возможность ознакомиться с его поразительными свидетельствами о жизни нашей страны в богатую событиями эпоху конца XIX – начала XX века.

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 198–198об.

⁸² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 198об.

⁸³ Там же. Л. 199.

⁸⁴ Там же. Л. 199об.